

УДК 93/94 (410+470)

Арбеков А.Б., кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия (Россия)

ЛИЧНОСТЬ ГЕНЕРАЛА А.Н. КУРОПАТКИНА НА СТРАНИЦАХ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904-1905)

В статье анализируется формирование образа генерала А.Н. Куропаткина в британском общественном сознании в период Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. на примере периодических изданий британской метрополии и ее колоний. Изучение данной проблематики затрагивает не только социо-культурные аспекты восприятия «другого», но и вопросы военно-политического и стратегического характера, поскольку А.Н. Куропаткин, занимавший пост военного министра Российской империи в 1898 – 1904 гг., определял контуры российского военного строительства, которое решало задачу отстаивания российских интересов в Центральной Азии и на Дальнем Востоке и противодействия британским устремлениям в указанных регионах. Соответственно, построение определенного образа генерала Куропаткина в британской прессе проследовало как пропагандистскую цель для манипуляции общественным мнением, так и внешнеполитическую, направленную на усиление британского влияния в Персии и Афганистане. В ходе настоящего исследования были задействованы материалы периодических изданий Великобритании и ее колоний, а также неопубликованные документы из российских и британских архивов. В результате исследования делается вывод, что на протяжении Русско-японской войны образ генерала А.Н. Куропаткина претерпевал трансформацию от «великого воина» до «пугала». Подобный разброс в оценках личности российского полководца на страницах британских изданий сохранял за собой единое семантическое поле, в рамках которого генерал А.Н. Куропаткин представлялся олицетворением «русской угрозы Индии».

Ключевые слова: А.Н. Куропаткин, образ «врага», британская пресса, Русско-японская война, Большая Игра, Британская империя, Российская империя, поход в Индию.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-03-13-23

Введение. Имагология является одним из перспективных направлений современных отечественных исторических исследований, предметом научного анализа которого является парадигма восприятия «другого», «чужого» и «врага» у представителей конкретных народов и государств. На фоне современной напряженной международной обстановки эта дисциплина позволяет изучать процесс формирования облика России и его трансформацию в общественном сознании отдельных западных стран, выступавших в конкретный момент времени в качестве ее принципиальных внешнеполитических соперников.

В данном дискурсе особый интерес вызывает построение образа России и ее военных и государственных деятелей в сознании жителей Британской империи в периоды серьезных международных кризисов, когда определенное представление о внешнеполитических противниках Соединенного Королевства использовалось действующим правительством в пропагандистских целях. Ярким тому примером может послужить формирование образа генерала А.Н. Куропаткина, как

главного русского полководца своей эпохи, на страницах британской периодики во время Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. К сожалению, этот исторический эпизод не становился ранее предметом отдельных научных изысканий, что и призвано исправить настоящее исследование.

Объект и методы исследования. Объектом настоящего исследования является пропаганда образа «врага» в британской прессе во время Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. В центре анализа находится репрезентация на страницах британской периодики образа генерала А.Н. Куропаткина, который на протяжении всего русско-японского конфликта претерпевал определенную трансформацию. Методологической основой для исследования выступили принципы историзма и объективности, специально-исторические методы, такие как историко-системный, историко-сравнительный и историкотипологический, а также междисциплинарный метод контент-анализа, в совокупности позволившие провести комплексное изучение поставленной в работе проблемы.

Результаты и их обсуждение. На рубеже XIX – XX столетий в российско-британских отношениях сохранялась высокая степень напряженности, достигшая своего пика во время Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. Основным камнем преткновения между Лондоном и Петербургом по-прежнему оставался вопрос о статусе черноморских проливов Босфор и Дарданеллы, а также раздел сфер влияния в Афганистане, Персии и Китае, заинтересованность России в которых вызывала серьезную тревогу у министров с Даунинг-стрит. В первую очередь эти опасения были вызваны необходимостью сохранения в безопасности ближайших подступов к Британской Индии. После восшествия Николая II на престол в 1894 г. именно восточный вектор на ближайшее десятилетие стал приоритетным во внешней политике империи Романовых, что не могло не сказаться на дальнейших шагах Соединенного Королевства на дипломатическом поле.

В начале XX в. британское правительство предприняло несколько попыток достигнуть соглашения с Россией по Дальнему Востоку и Центральной Азии. В частности, Лондон предлагал Петербургу полную свободу рук в Маньчжурии и в северном Иране, сохраняя за собой преобладание в Тибете, Афганистане и южном регионе Персии – Сеистане. Однако подобные предложения правительством Николая II воспринимались как требования односторонних уступок, в связи с чем Лондону и Петербургу так и не удалось достигнуть компромисса на данном историческом этапе [8, с. 76].

Одновременно с этим в высших эшелонах Военного министерства Великобритании выражали обеспокоенность по поводу постепенного развития российской военной инфраструктуры в Центральной Азии. К 1900 г. была открыта важная в стратегическом отношении ветка Среднеазиатской железной дороги Мерв – Кушка, позволявшая сосредотачивать российские войска прямо на границе северного Афганистана. В том же 1900 г. было инициировано строительство магистрали Оренбург – Ташкент, которая должна была связать европейскую часть России с Туркестаном [1, с. 334, 359]. Директор департамента военной разведки и мобилизации генерал-лейтенант У. Николсон в записке от 17

мая 1901 г. констатировал, что «весь Центральноазиатский вопрос на практике – это вопрос железных дорог, и, к сожалению, в этом отношении Россия сейчас впереди нас» [38, р. 5].

Неменьшие опасения британского командования вызывали сведения о возобновившихся российских военно-морских учениях в Черном море по отработке высадки десанта на Босфоре, которые, со слов британского военного атташе подполковника Г. Нэпьера, «проводились в момент обострения политических отношений с Турцией [имеется ввиду Македонское восстание 1903 г. – А.А.]» [13, р. 73]. Поэтому юнионистское правительство Р. Солсбери решило заключить 30 января 1902 г. региональный военный союз с Японией, которая также не смогла достигнуть компромисса с Россией по Корее и Маньчжурии. При этом А. Бальфур, занявший пост премьер-министра Великобритании в июле 1902 г., считал, что даже в случае победы Российской империи в войне со Страной восходящего солнца Соединенное Королевство останется главным бенефициаром этого противостояния, поскольку Россия не сможет «выйти из борьбы более сильной, чем в нее вступила» [8, с. 77].

13 января 1904 г. Токио выдвинул ультиматум Петербургу с требованиями уступок в Корее и Маньчжурии. Это известие вызвало бурные обсуждения в британской периодике. В самом начале февраля 1904 г. на страницах газет стали появляться статьи, в которых сообщалось о скорой эскалации вооруженного конфликта между «Русским медведем» и «Тигром Востока». «Дейли Телеграф» информировала своих читателей о том, что «российское правительство собирается направить ответ японскому правительству с максимальными уступками, на которые согласится Россия, и поскольку допускается возможность войны вследствие отказа Японии принять российские требования, было решено, что в таком случае командование сухопутными войсками будет возложено на генерала Куропаткина» [16].

Личность военного министра России генерал-адъютанта Алексея Николаевича Куропаткина была хорошо известна британской общественности, особенно в военных и политических кругах в силу того, что служба

высокопоставленного российского офицера напрямую касалась британских интересов на Востоке [2, с. 117–118]. Он участвовал в Русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг., турецких походах российской армии и ахалтекинской экспедиции генерала М.Д. Скобелева 1880 – 1881 гг. В британских газетах писали, что жизнь А.Н. Куропаткина была «наполнена сражениями и случаями, когда он был на волосок от гибели» [31].

По ходу Русско-японской войны восприятие и отражение образа генерала А.Н. Куропаткина на страницах британской прессы претерпевали определенную трансформацию. Изначально общественность метрополии и ее колоний относились с нескрываемой симпатией к личности русского главнокомандующего. Он громко нарекался «великим воином» [4, л. 8/об.], «выдающимся стратегом» [28], «непревзойденным мастером своего дела» [31] и практически единственной «надеждой России в Маньчжурии» [25]. Столь лестные характеристики личности А.Н. Куропаткина в определенной степени обусловлены его биографией, которая в искаженном виде (вероятно, непреднамеренно) излагалась в британских газетах. В частности, некоторые издания указывали, что отец генерала Николай Емельянович Куропаткин «был портным», поэтому его сын фактически «поднялся с подножия [социальной] лестницы» до вершин российского военного Олимпа, являя тем самым «чуть ли не единственный пример подобного подвига в стране Русского царя» [18].

В данном случае эти биографические сведения не соответствовали действительности, поскольку А.Н. Куропаткин был потомственным военным и выходцем из семьи выслужившегося дворянина, однако подобная «неблагородная версия» социального происхождения русского главнокомандующего сильно импонировала британской общественности. Это можно объяснить последствием реформ военного министра Э. Кардвелла, которые проводились в Великобритании в 1868 – 1874 гг. Одна из его преобразовательных мер заключалась в упразднении системы купли-продажи чинов в армии, в рамках которой представители богатых аристократических семей, благодаря своему высокому материальному положению, могли

очень быстро продвигаться по военной службе, в отличие от офицеров незнатного происхождения [11]. По этой причине британские газеты стремились представить «выходца из народа» генерала А.Н. Куропаткина как человека близкого по своей ментальности к жителям Туманного Альбиона. На страницах «Данди Ивнинг Пост» указывалось, что бывший военный министр России «является англичанином по внешности и в значительной степени англичанином по своим методам. В его чертах мало русского, и в любое время на улицах Лондона его можно было бы принять за местного жителя» [18].

Не менее важным элементом конструирования образа генерала А.Н. Куропаткина в британской периодике являлось его сравнение с генералом Михаилом Дмитриевичем Скобелевым. «Он [Куропаткин] самый выдающийся и способный солдат, который есть в распоряжении царя, – писали на страницах «Иллюстрированный Лондон Ньюз», – и он обязан своим обучением Скобелеву» [24]. Заметка аналогичного содержания с характеристикой личности А.Н. Куропаткина появилась и на страницах «Дэйли Хроникл» уже после начала войны с Японией: «Он глубокий знаток военного дела и его подчиненные относятся с доверием к его дарованиям. В нем есть что-то напоминающее Скобелева. Тип человека, который дает одна Россия» [4, л. 5/об.].

Параллели с «Белым генералом» были довольно распространенными среди современников, но их трактовка в российском и британском общественном сознании была различной. В России М.Д. Скобелев, как «Суворову равный», ассоциировался с бережным отношением к солдатам, страстной приверженностью славянофильству, решительным и храбрым боевым командованием. В представлении же поданных британской короны «Белый генерал» был прежде всего полководцем колониальной периферии и автором претенциозного плана похода в Индию, который М.Д. Скобелев изложил анонимному адресату в частном письме незадолго до Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. В 1883 г. этот план был опубликован на страницах отечественного журнала «Исторический вестник» и естественно он стал хорошо известен британским дипломатам и военным стратегам Ту-

манного Альбиона [1, с. 324; 2, с. 122]. Поэтому образ генерала А.Н. Куропаткина как ученика М.Д. Скобелева трактовался британцами именно в этом смысле. В «Дэйли Мейл» писали: «Ген[ерал]-ад[ъютант] Куропаткин принадлежит к той партии генералов, которые считают завоевание Индии неизбежным» [4, л. 5/об.]. Британское издание «Тудэй» вторила этим представлениям: «На Восток он [Куропаткин. – А.А.] был послан с целью изучить вопрос, который большинство русских считало гораздо более важным, а именно вторжение в Индию. Каждая слабая точка наших укреплений ему известна...» [4, л. 8/об.].

Важно отметить, что реальная позиция самого генерала А.Н. Куропаткина по центральноазиатскому вопросу в целом и индийскому походу в частности была более сложной и неоднозначной, в отличие от тех взглядов, которые приписывались ему британской прессой. Наиболее полным образом воззрения Куропаткина отражены в его записке от 13 (25) августа 1897 г. под заглавием «Наши задачи в Афганистане», хорошо известной историкам [1, с. 332; 2, с. 121]. Будучи начальником Закаспийской области, он считал, что России не требовались новые территориальные приращения в Средней Азии и следовало сохранить Афганистан в качестве буфера между владениями «Русского медведя» и «Британского льва». По мнению Куропаткина, Петербург, опираясь на британские методы ведения политики в регионе, должен был постепенно подчинить своему экономическому и политическому влиянию северные районы страны, прежде всего Гератскую провинцию, поскольку слишком активное увлечение «афганскими делами» привело бы к ослаблению российских сил «для охраны западной границы [от Австро-Венгрии и Германии], так и для выполнения задач на Босфоре, в Персии и Китае» [6, л. 35–35/об.]. В то же время он не отрицал необходимости сохранения «свободы рук», и в случае очередных коллизий с Великобританией осуществить вторжение в Афганистан для занятия Герата в качестве угрозы Британской Индии. Эти взгляды 11 (23) июня 1897 г. А.Н. Куропаткин изложил в ходе личной беседы с императором Николаем II, детали которой генерал зафиксировал в своем дневнике. Во

время аудиенции он заявил, что защита российских интересов на Дальнем Востоке от британских притязаний «наиболее действительна из Средней Азии. (Угроза Индии)». Для этого требовалось дальнейшее развитие российской военной инфраструктуры в регионе, чтобы создать «сильный кулак против Англии» [3, с. 445]. Император полностью разделял взгляды А.Н. Куропаткина.

В апреле 1897 г. по инициативе министра финансов С.Ю. Витте и императора Николая II начались работы по протяжению железной дороги от Мерва к крепости Кушка, находившейся на границе с Афганистаном. Военный министр П.С. Ванновский выступал против этого проекта, однако после его отставки в 1898 г. новый глава Военного ведомства А.Н. Куропаткин, имевший богатый опыт службы в Средней Азии, поддержал инициативу молодого монарха [3, с. 465; 38, р. 97]. Это в определенной степени предопределило дальнейшую переориентацию российских внешнеполитических интересов на Восток.

На фоне Русско-японской войны в британской прессе также состоялась провокационная публикация, которая стала для общественности Туманного Альбиона настоящей сенсацией. В значительной степени именно под ее воздействием происходило дальнейшее обсуждение личности русского полководца на страницах периодических изданий Великобритании. В понедельник 11 июля 1904 г. в лондонской газете «Дэйли Экспресс» был размещен текст план похода в Индию авторства генерала А.Н. Куропаткина. По заявлениям редакции, план был утвержден в российском Главном штабе и одобрен лично императором Николаем II. Проект предполагал вторжение российской армии численностью около 115 тыс. чел. двумя колоннами из Туркестана на территорию Афганистана и Персии с целью дальнейшего выхода к берегам Инда через Хайберский и Боланский горные перевалы [41].

Необходимо отметить, что страх вероятного вторжения русских в Индию был имманентной чертой британского национального сознания на протяжении всего XIX в. [2, с. 96; 9, с. 42–45], однако уникальность публикации «Дэйли Экспресс» заключалась в том, что абстрактные пророчества многих поколений

британских политиков и военных деятелей теперь получали конкретное документальное подтверждение. В одной из новозеландских газет метко указывалось, что генерал А.Н. Куропаткин и его претенциозной план выступали «в роли пугала», которое должно было произвести «сильное впечатление» на жителей Соединенного Королевства [29]. Поэтому публикация «Дэйли Экспресс» вызывает исследовательский интерес сразу с нескольких точек зрения: во-первых, с позиции конструирования образа «врага» в британском общественном сознании; во-вторых, как средство оказания политического давления на правителей Персии и Афганистана; в-третьих, как инструмент военной пропаганды, призывавшей увеличить расходы государственного бюджета на оборону Британской империи в целом, и Индии в особенности.

Отвечая на вопрос о том, что за документ оказался на передовицах британских изданий и являлся ли он подлинным, прежде всего стоит отметить, что накануне Русско-японской войны российским Главным штабом действительно был разработан проект военных действий против Великобритании на территории Афганистана, утвержденный императором 7 (20) февраля 1904 г. [1, с. 347]. Однако с опубликованным в «Дэйли Экспресс» планом генерала А.Н. Куропаткина, кроме общей концепции, он практически не имел ничего общего. В действительности обнародованный документ представляет собой дословную копию секретного проекта, попавшего в распоряжение британских военных структур через год после событий Пендинского кризиса 1885 г. [2, с. 114–118; 9, с. 200]. В 1904 г. в Главном штабе российской армии был проведен сравнительный анализ текстов оригинального плана войны с Великобританией и Афганистаном, составленного А.Н. Куропаткиным на фоне Кушкинского инцидента 1885 г., и его «британского варианта», опубликованного в «Дэйли Экспресс». Военные специалисты в Петербурге пришли к выводу, что сценарий вторжения в Индию, обнародованный в британских газетах, являлся однозначно «вымышленным», поскольку он «не имел ничего общего» с запиской 1885 г. [5, л. 50–50/об.]. Также этот вывод указывает на то, что в Главном штабе отсутствовали какие-либо свиде-

тельства существования иного плана, составленного генералом А.Н. Куропаткиным в первой половине 1886 г.

Несмотря на это обстоятельства, подлинность «британского варианта» плана Куропаткина не подвергалась сомнению военными кругами Великобритании вплоть до конца XIX в.: отличилась лишь его интерпретация. Например, британский военный атташе в Петербурге подполковник А. Герберт был «склонен смотреть на эту схему как на одно из тех академических упражнений, к которым чрезмерно склонен русский характер», поэтому он не признавал добытый проект похода в Индию «как готовый план кампании», но в то же время он считал, что «план Куропаткина» давал Лондону чрезвычайно ценные указания «относительно вероятного направления русской экспансии в Азии», прежде всего в северные провинции Афганистана и южные районы Персии [37, р. 6].

Выбор момента для публикации этого документа был сделан практически идеальный. Подлинность обнародованного плана не могла вызвать никаких сомнений, поскольку А.Н. Куропаткин, как писалось выше, нарекался британской общественностью учеником легендарного «Белого генерала». И вполне логично, что ученик должен был превзойти своего учителя, в том числе в вопросе потенциального похода в Индию. К тому же по мере эскалации русско-японского конфликта на Дальнем Востоке в крупных британских изданиях широко тиражировалась информация о подготовке России к осуществлению своих экспансионистских замыслов. В ведущем органе британской печати газете «Таймс» была опубликована заметка от 17 февраля 1904 года, информация в которой в общих чертах соответствовала реальному положению дел [1, с. 346–347]: «Генерал-лейтенант [Н.А.] Иванов, генерал-губернатор и командующий войсками в Туркестане, находившийся некоторое время в Петербурге, снова выехал в Ташкент с генерал-лейтенантом [Вс. В.] Сахаровым, начальником штаба Туркестанского военного округа. В высших военных кругах утверждают, что генералу Иванову поручено подготовиться к возможным военным действиям против Индии в случае, если Великобритания займет открыто враждебную позицию по отношению к России или попытается

осуществить какое-либо предприятие, наносящее ущерб российским интересам в Персии и Тибете» [33].

Британские политики стремились использовать опубликованный план Куропаткина и сведения о подготовке к вторжению в Индию для «удобрения почвы» при последующих переговорах с эмиром Афганистана на предмет военного союза против России. Здесь необходимо пояснить, что в 1901 г. умер прежний эмир Афганистана Абдурахман-хан, который с момента восшествия на престол летом 1880 г. в целом проводил про-британскую внешнюю политику, направленную на сдерживание России в Центральной Азии. После смерти Абдурахмана престол унаследовал его старший сын Хабибулла-хан, и британские политические и военные круги посчитали, что открылось «окно возможностей» для изменения прежних договоренностей. В частности, британцы хотели добиться не просто полного контроля над внешней политикой Афганистана, как это было при Абдурахмане, но и фактически заключить военный союз против России, подразумевавший строительство трансграничных железных дорог к Кандагару и Кабулу, а также отправление британских офицеров для обучения афганской регулярной армии. Принципиальными сторонниками подобной линии поведения являлись главнокомандующий англо-индийской армией виконт Горацио Герберт Китченер и вице-король Индии барон Джордж Натаниэль Кёрзон, ярые приверженцы так называемой «наступательной политики». Как заявил начальник российской военной разведки генерал-майор В.П. Целебровский в личном разговоре с британским военным атташе подполковником Г. Нэпьером, «у вас есть лучший генерал в Индии [Китченер] и самый активный и агрессивный вице-король [Кёрзон], чтобы направлять его» [39, р. 175].

Комментируя громкую публикацию «Дейли Экспресс», лорд Кёрзон в переписке с Министром по делам Индии У. Бродриком совершенно не скрывал факт того, что обнародованный документ являлся «старым планом Куропаткина» [39, р. 130], попавшим в руки британской разведки в 1886 г. Трудно сказать действительно ли был вице-король причастен к самой публикации, но он однозначно решил воспользоваться ей в собственных интересах. 6 августа 1904 г. план Куропаткина появился на

страницах индийской газеты «Пайонир», перевод которой местными властями был представлен правителям Афганистана и Персии. Как свидетельствовали британские резиденты, документ, в котором раскрывался якобы актуальный замысел российского правительства по завоеванию Афганистана и подчинению себе южных районов Ирана, произвел «сильное впечатление» на персидского шаха Мозафереддина и задел «афганскую гордость» эмира Хабибуллы. В этой связи, по мнению вице-короля Дж. Кёрзона, появлялась перспектива склонить обоих монархов к более тесному сотрудничеству с британской короной в вопросе противодействия российским устремлениям в регионе [36, f. 423; 39, р. 130]. Поэтому, в определенной степени, последующая дипломатическая миссия Льюиса Дейна, направленная в афганскую столицу в декабре 1904 г. [9, с. 207], была инспирирована ожиданиями вице-короля, что угроза завоевания Афганистана по «плану Куропаткина» станет сильным аргументом для эмира Хабибуллы в пользу заключения военного союза с Калькуттой.

Публикация «Дэйли Экспресс» вызвала бурную реакцию в британском обществе, особенно в армейских кругах. На страницах либерального журнала «Спектейтор» писали, что, «если бы он [план Куропаткина] был опубликован тремя годами ранее [имеется в виду во время второй Англо-бурской войны. – А.А.], он мог бы вызвать панику или даже спровоцировать войну» [32]. Тем не менее оценки «сенсационного» документа в британской прессе носили диаметрально противоположный характер. Одни обозреватели считали сценарий вторжения в Индию, опубликованный «Дэйли Экспресс», откровенной фантазмагорией, другие рассматривали в нем реально существующую угрозу «главной жемчужине». В этой связи отличалась и трактовка самого документа: для одних он стал демонстрацией некомпетентности высшего военного генералитета России, наиболее ярким представителем которого, по заверению самой британской прессы, являлся А.Н. Куропаткин, совершенно неспособный после неудач на Дальнем Востоке реализовать столь грандиозные замыслы, для других – существенным обоснованием для проведения масштабных военных преобразований в самой Великобритании и Индии.

Например, обозреватели «Иллюстрированного Лондон Ньюз» указывали: «Если он [план Куропаткина] всецело подлинный то, это объясняет, почему его автор не очень успешен в Маньчжурии» [26]. В «Спектейтор» выражали схожее по семантике мнение: «План [Куропаткина], если не считать некоторых стратегических вопросов, в которых мы должны довериться англо-индийским экспертам гораздо больше, чем генералу Куропаткину, <...> не кажется нам особенно удачным» [32]. Новозеландская «Литтлтон Таймс» и вовсе в саркастическом ключе заявляла, что генерал А.Н. Куропаткин был способен захватить Индию только «на бумаге» [29]. В австралийской газете «Херальд» давалась следующая оценка опубликованному документу: «Военные, знакомые с ситуацией, считают удивительным план, представленный царю генералом Куропаткиным, и наглядным свидетельством отсутствия понимания реальных трудностей, с которыми придется столкнуться». В подтверждении этой точки зрения приводилось интервью известного публициста генерала Генри Грина, имевшего опыт военной службы и командования войсками в Британской Индии. Он считал идею «о том, что Россия может захватить Индию с армией в 115,000 человек» не заслуживающей «серьезного рассмотрения». Поэтому, как полагал отставной генерал, «Куропаткин еще до того, как он покончит с нынешней [Русско-японской] войной, изменит свое мнение по этому вопросу» [23].

Вторая группа обозревателей считали, что «критики» плана Куропаткина «забываются» и упускают из вида «два существенных фактора в этой проблеме»: 1) наличие развитых коммуникаций, позволявших российской стороне транспортировать все необходимые военные ресурсы по Волге и далее по железным дорогам от каспийского берега в Михайловске через Ашхабад и Серахс «почти до самых ворот Герата»; и 2) «что местность вокруг Герата самая плодородная в мире». «Остальное, – как свидетельствовал британский военный обозреватель, – дело времени и возможностей» [28]. В статье под заголовком «Слабое место Англии. Куда нанесет удар Россия» британский журналист Роберт Лонг, опираясь на опубликованный план Куропаткина, заявлял,

что «Россия не настолько безумна, чтобы мечтать о вторжении в Индию», поэтому логика ее вероятных действий, по его мнению, «менее претенциозна, но более практична». Он имел в виду, что в случае необходимости российское командование сможет поставить под угрозу британские «интересы на юге», и именно Афганистан станет «центром [этой] бури», что соответствовало реальным воззрениям самого генерала Куропаткина. В этой связи особое внимание в заметке Р. Лонга уделялось строительству железнодорожной линии Оренбург – Ташкент, поскольку «план Куропаткина по вторжению в Индию», с его точки зрения, «полностью опирается на новую железную дорогу», которая предоставляла России «неисчислимы возможности для агрессии» [19].

Резюме под состоявшейся на страницах периодической печати общественной дискуссией подвела та же лондонская газета «Дэйли Экспресс», в которой было опубликовано интервью анонимного британского офицера, занимавшего «некоторое» положение в Военном департаменте Индии. По его заявлению: «План Куропаткина неосуществим, но сам факт того, что он был зафиксирован на бумаге и разработан с таким количеством деталей, указывает на то, что беспечными политиками в Индии постоянно называется обычным пугалом, до сих пор остается существенным фактором в российской политике» [15].

Таким образом в публикациях британской прессы фактически происходила персонализация угрозы Британской империи и ее «главной жемчужине» – Индии – в лице генерала Куропаткина, командовавшего российскими войсками против Японии. Отсюда следовал очевидный посыл, что если империя микадо рухнет, то именно Индия станет следующей целью «самого выдающегося солдата Русского царя». «У России есть только один способ нанести вред Англии, – заявлялось на страницах британской прессы. – Другими словами, Англия должна быть готова [к отражению агрессии] не только на море, но и на суше» [19].

В британские газеты наряду с планом Куропаткина тиражировалась информация о масштабных реформах англо-индийской армии, проходивших под строгим надзором Горация Герберта Китченера, виконта Хартум-

ского и Трансваальского, триумфатора реконкисты Судана (1896–1898) и второй Англо-бурской войны (1899–1902). Передовицы обнадеживали своих читателей тем, «что Военное министерство Великобритании владеет планом генерала Куропаткина и принимает меры против возможности доведения его до успешного завершения» [41].

Пресса, с одной стороны, проводила тождество между двумя полководцами, сравнивая их военную карьеру, прежде всего опыт участия в колониальных войнах, и нарекая генерала Куропаткина «Русским Китченером» [4, л. 8/об.]. Подобный знак равенства приобретал в представлении британского обывателя строго положительную коннотацию, поскольку лорд Китченер имел статус национального героя и являлся для жителей Туманного Альбиона олицетворением военного могущества Британской империи [10, с. 116]. На страницах периодических изданий Куропаткина и Китченера даже называли «два К», подчеркивая тем самым их профессиональную общность. «Оба строгие приверженцы дисциплины, настоящие солдаты, безропотно исполняющие свой “приказ” по зову долга, и между их характерами есть нечто большее, чем внешнее сходство», – писали в «Портсмут Ивнинг Ньюз» [30].

С другой стороны, отдельные издания прямо противопоставляли друг другу стратегические замыслы двух «К», сопровождая информационные блоки подобными комментариями: «Дерзкий план Куропаткина по вторжению в Индию сравним только с соизмеримым с кувалдой быстрым ответом Китченера» [14]. В высшей степени характерно, что на страницах британских газет обозреватели, комментируя реформаторские замыслы лорда Китченера, совершенно не скрывали источник «вдохновения» предстоявших военных преобразований: «Дивизии будут размещены в мирное время в стратегических пунктах Северной Индии, а основная часть новых войск будет прикрывать главные пути вторжения через Кандагар и Кабул. Эти два маршрута были выбраны генералом Куропаткиным для русского плана наступления в случае военных действий между Россией и Великобританией» [30].

Результат информационной кампании, центральной фигурой которой стал «великий

воин» генерал Куропаткин, не заставил себя долго ждать. Если первоначально проект военных реформ лорда Китченера был прохладно встречен юнионистским кабинетом А. Бальфура, то к концу лета 1904 г. риторика действующего правительства резко поменялась. Выступая перед палатой общин, 2 августа 1904 г. премьер-министр заявил: «Было время, когда русское вторжение в Индию было настоящим страхом, и страхом <...> самого безрассудного свойства, хотя некоторые из наших мудрейших предков находились под глубоким впечатлением от него. Но Россия, которой они боялись, <...> сильно отличается от сегодняшней России» [22, col. 622]. Как общал российский военный агент в Лондоне генерал-майор К.И. Вогак, уже в августе 1905 г. британское правительство под влиянием «русской угрозы» выделило дополнительные расходы в 20 млн ф. ст. на строительство новых линий железных дорог в Индии, которые являлись краеугольным камнем стратегических замыслов лорда Китченера [7, л. 110].

Однако по мере получения известий о череде поражений российской армии под командованием А.Н. Куропаткина образ «выдающегося военного ума» [29] в британской прессе постепенно сменился на портрет генерала, «которого преследуют неудачи» [27] и «который в этой войне не проявил никакого полководческого таланта в области стратегии» [32]. После Мукденского сражения 19 февраля – 10 марта 1905 г. упоминание имени русского полководца в британских газетах сопровождалось такими уничижительными эпитетами как «сломленный» [17], «беспомощный» [21] и «обреченный» [12]. Особенно резкой в своей критике была газета «Таймс». На ее страницах указывалось, что «задача генерала – добиваться успеха, а русский командующий потерпел неудачу». При этом редакция газеты выступала с осуждением тех периодических изданий, которые «осыпали Куропаткина лестью» на ранних этапах Русско-японской войны. По мнению обозревателей, генерал А.Н. Куропаткин так и не смог обеспечить себе место в пантеоне «бессмертных полководцев» подобно Суворову и Скобелеву [35]. «Он не обладает воображением, энергией или энтузиазмом, необходимыми для того, чтобы стать великим воином», – резюмировала «Таймс» [34].

Несмотря на развенчание образа «выдающегося стратега», в британском общественном сознании генерал Куропаткин сохранил на многие годы репутацию «пугала» и остался для жителей Туманного Альбиона в первую очередь олицетворением «русской угрозы Индии», даже спустя почти два десятилетия после обнародования нашедшего плана покорения «главной жемчужины». Об этом свидетельствует серия заметок в британской прессе уже периода Гражданской войны в России (1917 – 1922). В них сообщались ложные сведения о преждевременной смерти генерала. Довольно характерны и красноречивы заголовки газет, в которых публиковалась данная информация, якобы из «надежных» и «проверенных» источников: «Смерть Куропаткина, генерала, который планировал вторгнуться в Индию» [20].

Заключение (выводы). Подводя итоги нашего исследования, можно сделать следующие выводы. В период обострения российско-британских отношений на фоне Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. генерал А.Н. Куропаткин предстал на страницах британских газет как талантливый полководец и грозный противник, что во многом отражало реальные представления о нем среди современников. В свою очередь парадигма восприятия образа главнокомандующего Маньчжурской армией укладывалась в традиционные «страхи» британской общественности перед жупелом «русской угрозы Индии», олицетворением которой для британцев и стал А.Н. Куропаткин, даже невзирая на поражение России в войне с Японией. Этот образ использовался правительством Великобритании во внешне- и внутривосточных целях.

Список литературы

1. Алпеев О. Е. «Священный огонь» русского Генерального штаба. Планирование «похода в Индию» военным ведомством России, 1885 - 1914 гг. // Русский сборник: исследования по истории России XIX-XX вв. Т. 26: Россия и война: междунар. науч. сб. в честь 75-летия Брюса Меннинга. М.: Модест Колеров, 2018. С. 320-387.
2. Басханов М. К. Гератский кризис 1885 г. и борьба идей вокруг стратегии упреждения в Средней Азии: Куропаткин против Магрегора // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 86-126.
3. Куропаткин А.Н. 70 лет моей жизни: воспоминания А.Н. Куропаткина: в 3 томах. Т. 3. Челябинск: Авто Граф, 2023. 494 с.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 165. Оп. 1. Д. 4963
5. РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 283
6. РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 143
7. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 970
8. Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны / отв. Ред. А. О. Чубарьян: в 3 т. Т. 2. Россия и союзники. М.: Международные отношения, 2020. 608 с.
9. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2012. 454 с.
10. Субботин В. А. Страницы английской имперской истории: Китченер // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2001. № 2. С. 105–120
11. Шендыгаев Д.И. Военные реформы Кардуэлла и отмена патентов в британской армии // Вестник Брянского государственного университета. 2018. №1. С. 164–171
12. Birmingham Daily Gazette, 10 March 1905
13. British Library: Maps Collection. DMO/7/13. Reports on Changes in Various Foreign Armies during the Year 1903, Together with Their Peace and War Strengths
14. Daily Malta Chronicle and Garrison Gazette, 16 July 1904
15. Daily News (Perth), 12 September 1904
16. Daily Telegraph, 3 February 1904
17. Daily Telegraph, 18 March 1905
18. Dundee Evening Post, 22 September 1904
19. Geraldton Express and Murchison and Yalgo Goldfields Chronicler, 30 December 1904
20. Gloucestershire Echo, 15 February 1921
21. Greenock Telegraph and Clyde Shipping Gazette, 13 March 1905

22. Hansard's Parliamentary Debates. 4th Series. 1904. Vol. 139
23. Herald (Melbourne), 23 August 1904
24. Illustrated London News, 4 June 1904
25. Illustrated London News, 25 June 1904
26. Illustrated London News, 16 July 1904
27. Illustrated London News, 18 March 1905
28. Leader (Melbourne), 3 September 1904
29. Lyttelton Times, 18 August 1904
30. Newcastle Morning Herald and Miners Advocate, 10 December 1904
31. Portsmouth Evening News, 8 July 1904
32. Spectator, 16 July 1904
33. Times, 17 February 1904
34. Times, 18 March 1905
35. Times, 20 March 1905
36. The National Archives, Kew, United Kingdom (TNA). Public Records Office: Foreign Office (FO) 106/9
37. TNA. FO 539/38
38. TNA. FO 539/78
39. TNA. FO 539/102
40. TNA. FO 539/106
41. West Australian, 2 September 1904

THE PERSONALITY OF THE GENERAL A.N. KUROPATKIN IN THE BRITISH PRESS DURING THE RUSSO-JAPANESE WAR (1904-1905)

The article analyzes the process of formation of the image of the commander-in-chief of the Russian army in Manchuria General A.N. Kuropatkin in the British public during the Russo-Japanese War of 1904 - 1905 on the example of periodicals of Great Britain and its colonies. The study of this problematic touches socio-cultural aspects of the perception of the "other" and the issues of military-political and strategic nature, because A.N. Kuropatkin, who held the post of Minister of War of the Russian Empire in 1898 - 1904, determined the contours of the Russian military policy, which solved the problem of defending Russian interests in Central Asia and the Far East and countering British aspirations in these regions. The construction of a certain image of General Kuropatkin in the British press followed both the propagandistic purpose of manipulating public opinion and foreign policy goal, aimed at strengthening British influence in Persia and Afghanistan. In the course of this study, materials from periodicals of Great Britain and its colonies, as well as unpublished documents from Russian and British archives were used. The study concludes that during the Russo-Japanese War the image of General A.N. Kuropatkin underwent a transformation from a "great warrior" to a "bogeyman". Such a spread in the assessments of the personality of the Russian commander on the pages of British publications retained a single semantic field, within which General A.N. Kuropatkin represented the personification of the "Russian threat to India."

Keywords: A.N. Kuropatkin, the image of the "enemy", the British press, the Russo-Japanese War, the Great Game, the British Empire, the Russian Empire, an invasion of India.

References

1. Alpeev O.E. «Svyashchennyj ogon'» russkogo General'nogo shtaba. Planirovanie «pohoda v Indiyu» voennym vedomstvom Rossii, 1885 – 1914 gg. // Russkij sbornik. Rossiya i vojna: mezhdunarodnyj nauchnyj sbornik v chest' 75-letiya Bryusa Menninga, T. 26, [“Sacred Fire” of the Russian General Staff. Planning of a “campaign to India” by the Russian military department, 1885–1914 // *Russian digest. Russia and War: International Scientific Digest in Honor of Bruce Manning's 75th Anniversary*, Vol. 26], 2018, s. 320–387
2. Baskhanov M.K. Geratskij krizis 1885 g. i bor'ba idej vokrug strategii uprezhdeniya v Srednej Azii: Kuropatkin protiv Magregora // Mir politiki i sociologii [Herat Crisis of 1885 and the Struggle of Ideas around the Strategy of pre-emption in Central Asia: Kuropatkin against Magregore// *The World of Politics and Sociology*], 2018. No. 12. p. 86–126
3. Kuropatkin A.N. 70 let moyey zhizni: vospominaniya A. N. Kuropatkina. T. 3 [70 years of my life: A.N. Kuropatkin. Vol. 3], Avto Graf publ, Chelyabinsk, 2023. 494 p.
4. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskij arkhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive]. F. 165. Op. 1. D. 4963
5. RGVIA. F. 400. Op. 4. D. 283

6. RGVIA. F. 846. Op. 1. D. 143
7. RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 970
8. Rossiya v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny / otv. Red. A. O. CHubar'yan: v 3 t. T. 2. Rossiya i soyuzniki. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya [Russia in the system of international relations on the eve and during the First World War / Ed. Ed. A. O. Chubar-yan: in 3 volumes. Vol. 2. Russia and the Allies. Moscow: International relations], 2020. 608 p.
9. Sergeev E.YU. Bol'shaya igra, 1856 – 1907: mify i realii rossijsko-britanskih otnoshenij v Central'noj i Vostochnoj Azii. Moskva [The Great Game, 1856–1907: Russo-British Relations in Central and East Asia. Moscow]. 2012. 454 p.
10. Subbotin V.A. Stranicy anglijskoj imperskoj istorii: Kitchener // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' [Pages of English Imperial History: Kitchener // *Oriens*], 2001. No. 2. C. 105–120
11. Shendygayev D.I. Voennye reformy Karduellera i otmena patentov v britanskoj armii // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. [The Cardwell Reforms and Abolition of Purchase in British Army // *Bulletin of Bryansk State University*]. 2018. No. 1. p. 164–171
12. Birmingham Daily Gazette, 10 March 1905
13. British Library: Maps Collection. DMO/7/13. Reports on Changes in Various Foreign Armies during the Year 1903, Together with Their Peace and War Strengths
14. Daily Malta Chronicle and Garrison Gazette, 16 July 1904
15. Daily News (Perth), 12 September 1904
16. Daily Telegraph, 3 February 1904
17. Daily Telegraph, 18 March 1905
18. Dundee Evening Post, 22 September 1904
19. Geraldton Express and Murchison and Yalgo Goldfields Chronicler, 30 December 1904
20. Gloucestershire Echo, 15 February 1921
21. Greenock Telegraph and Clyde Shipping Gazette, 13 March 1905
22. Hansard's Parliamentary Debates. 4th Series. 1904. Vol. 139
23. Herald (Melbourne), 23 August 1904
24. Illustrated London News, 4 June 1904
25. Illustrated London News, 25 June 1904
26. Illustrated London News, 16 July 1904
27. Illustrated London News, 18 March 1905
28. Leader (Melbourne), 3 September 1904
29. Lyttelton Times, 18 August 1904
30. Newcastle Morning Herald and Miners Advocate, 10 December 1904
31. Portsmouth Evening News, 8 July 1904
32. Spectator, 16 July 1904
33. Times, 17 February 1904
34. Times, 18 March 1905
35. Times, 20 March 1905
36. The National Archives, Kew, United Kingdom (TNA). Public Records Office: Foreign Office (FO) 106/9
37. TNA. FO 539/38
38. TNA. FO 539/78
39. TNA. FO 539/102
40. TNA. FO 539/106
41. West Australian, 2 September 1904

Об авторе

Арбеков Александр Борисович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия (Россия), E-mail: arbekoff-alex@ya.ru

Arbekov Alexander Borisovich – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Tula Arms State Museum (Russia), E-mail: arbekoff-alex@ya.ru